

От редакции. С первых лет существования наш журнал держит своих читателей в курсе событий и планов международного сообщества социологов. Эти же цели преследует публикация статьи президента Международной социологической ассоциации, ливанского социолога Сари Ханафи, избранного на этот пост летом прошлого года.

© 2019 г.

С. ХАНАФИ

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАВСТРЕЧУ НОВЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ

ХАНАФИ Сари – профессор Американского университета в Бейруте, президент Международной социологической ассоциации (2018–2022), Бейрут, Ливан (sh41@aub.edu.lb).

DOI: 10.31857/S013216250006123-8

В июле 2018 г. в Торонто на конгрессе Международной социологической ассоциации (МСА) я удостоился чести быть избранным ее президентом. В настоящей статье хотел бы изложить свое программное выступление в качестве кандидата на эту должность. Предлагаемая программа состоит из трех пунктов и касается диалога социологий, двигающихся в направлении к поставторитарному подходу, и нынешнего кризиса теории секуляризации.

Социологии в диалоге. Из двадцати предыдущих президентов МСА только двое не были гражданами Европы и Северной Америки, я – третий. Я вступаю в должность, имея за собой личный и профессиональный опыт, который повлиял на мое понимание социологии и стоящих перед нею современных задач. Я учился в университетах Сирии и Франции, работал в различных академических институтах в Египте, Палестине, Франции и Ливане. Этот опыт позволил мне познакомиться с многочисленными дискуссиями, развернувшимися в разных контекстах.

Поскольку я осторожно (на самом деле!) отношусь к антагонистическим бинарным категориям (таким как традиция/современность, Восток/Запад, универсализм/контекстуализм и т.д.), я выступаю за диалог разных социологий. «Социологии в диалоге» – таково было фактическое название Четвертой конференции Совета национальных ассоциаций МСА. Такое же название получил сборник статей по итогам конференции, готовящийся к публикации издательством SAGE под редакцией Чин Чун И и Сари Ханафи. Очень важно, чтобы некоторые социологические понятия, такие, например, как права человека, имели статус универсальных. Однако я считаю, что признание всеобщего характера конкретных социологических понятий может осуществиться только благодаря консенсусу,

Источник: электронный бюллетень МСА «Глобальный Диалог» (русскоязычная версия). 2019. Т. 9. № 1. URL: <http://globaldialogue.isa-sociology.org/global-sociology-toward-new-directions-2/> (дата обращения: 22.06.2019).

достигаемому в ходе многостороннего кросскультурного диалога, а не путем универсализации ценностей евро-американского контекста. Позвольте мне привести в качестве примера понятие демократии. Является ли демократия универсальной? Да, это так. Но не в качестве модели для экспорта, как показал Флоран Генар [Guénard, 2016], и не как телеологическая концепция, а как исторический опыт, который приобрел нормативность благодаря распространению, в особенности начиная с 1980-х гг. в Латинской Америке, затем в Восточной и Центральной Европе, и, наконец, в некоторых странах арабского мира. Таким образом, универсальным является воображаемое стремление к демократии, следы которого обнаруживаются в лозунгах свободы, справедливости и достоинства, формулируемых ее сторонниками. Этот нормативный универсализм необременителен и не препятствует существованию того, что А. Сальваторе обозначил как «разные модели гражданственности» [Salvatore, 2016].

Я полагаю, что анализ производства социального знания не должен ограничиваться постколониальным подходом, который фокусирует внимание на задачах эмансипации от колониальных условий и сопротивлении гегемонии западного знания. Постколониальная перспектива должна быть дополнена тем, что я называю «поставторитарным подходом». Это означает, что при изучении механизмов производства социального знания необходимо учитывать не только влияние колониализма, но и воздействие локального авторитаризма.

В направлении поставторитарного подхода. Нельзя не признать негативные последствия колониальной эпохи. Они все еще дают о себе знать: калечат одних и напоминают другим о тех путях, которых мы стремимся избежать. Однако постколониальный подход, который так много внимания уделяет внешним факторам, а внутренние локальные условия оставляет без внимания, можно применить как во благо, так и во вред. Лексическое родство поставторитарного подхода с постколониальным подсказывает, что сторонники первого могут, по ассоциации, опираться на ряд допущений, лежащих в основе второй категории, особенно в отношении структур власти. Тем не менее это не означает, что мы свыкаемся с авторитаризмом или живем в период, когда авторитарное правление осталось позади.

Авторитаризм, исходя из нашей точки зрения – это не просто тенденция государств действовать недемократично, применяя насильственные методы бюрократии и силовых структур в социальной жизни. На дескриптивном уровне все государства в некоторой степени авторитарны. Это не то государство, в котором суверен имеет право введения чрезвычайного положения (как считает К. Шмитт). Мы знаем, что все государства переживают «моменты» чрезвычайности или исключения и следуют авторитарным практикам. В 2018 г. Г. Харрисон следующим образом сформулировал определение авторитаризма: авторитаризм характеризуется систематическим устранением подотчетности государства перед общественностью, устранением участия общества в государственных решениях и значительной централизацией исполнительной власти в руках бюрократии [Harrison, 2018].

Существуют разные уровни авторитаризма: один уровень охватывает идеологический режим; другой – политико-экономическую систему; и третий – уровень отдельной личности.

Ужесточение авторитаризма. Основная идея знаменитой книги Н. Элиаса «О процессе цивилизации» заключается в том, что общества развиваются через регресс индивидуального насилия (умиротворение нравов). Однако в наши дни мы являемся свидетелями того процесса, который Ж. Ларош назвала «возвращением репрессий» [Laroche, 2017], а Д. Мосс [Mosse, 1991] – «брутализацией»¹, тем самым подчеркивая эрозию цивилизационного процесса. Как известно, государственные структуры в лице полиции и аппарата вооруженных сил являются основными акторами, которые осуществляют брутализацию общества. Однако в течение последнего времени мы наблюдаем рост влияния негосударственных акторов. Таким примером для меня, человека, который имеет опыт жизни в Сирии и Ливане, является ИГИЛ и другие сектантские и интерстициальные акторы, которые

¹ Brutal (англ.) – жестокий.

действуют в обход государства, создавая общинную солидарность. Однако следует также подумать и о глобальных негосударственных акторах, таких как многонациональные компании и финансовые рынки, которых Джеймс Розенау [Rosenau, 1990] называет «акторами, независимыми от суверена» (sovereign-free actors). Тем не менее негосударственные акторы редко действуют без согласия и содействия государств. Существование ИГИЛ не было бы возможно без полного закрытия политического пространства сирийской правящей элитой или чрезвычайно сектантского иракского режима. Государственные и негосударственные акторы не только содействуют брутализации отдельных обществ, но и предвещают глобальную брутализацию, свидетелями и вовлеченными участниками которой мы сегодня являемся. Более того, в Сирии, Ливии и Йемене война приводит к «брутализации политики», когда реализация политических мер становится сложной без использования насилия.

По словам Ларош, процесс брутализации начинается с разрушения социальных связей и солидарности, ведущей к отчуждению и исключению таких категорий, как бедные и иностранцы из национальных диаспор и делает возможным повседневное насилие по отношению к ним, которое в конечном итоге становится распространенным в обществе.

Неолиберальный авторитаризм. Взаимодействие экономического и политического приводит к появлению своеобразной политико-экономической конфигурации, которую я называю неолиберальным авторитаризмом. Однако эта новая конфигурация является не просто сочетанием, а скорее неким новым результатом выражения неолиберализма и авторитаризма, которое во многих отношениях изменяет эти паттерны власти и управления. Мы знаем, что неолиберализм приводит к широкому распространению социально-экономической несправедливости и росту бедности. Тем не менее совершенно новым является систематическое и целенаправленное применение централизованной власти и принудительных мер государства для осуществления капиталистических преобразований в обществах, где класс капиталистов слаб и не является господствующим. Если классическое капиталистическое общество, как правило, создавало систему господства посредством демократического политического режима, то во многих периферийных обществах, а также западных, где класс капиталистов становится меньше и появляется больше конкуренции, это не так. Соотношение социальных сил, лежащих в основе государства, определяется не только классовыми механизмами, как утверждал Н. Пулансас (1936–1979), но также включает расовые и гендерные иерархии, формируемые, в терминологии А. Кихано (1930–2018), колониальным характером власти, имеющим различное выражение во времени и пространстве.

Авторитарные граждане. Как политическая система, реализуемая государственными и негосударственными субъектами, авторитаризм существует во взаимосвязи с авторитарными гражданами. Авторитарные лидеры подавляют воображение: им нужны машины, которые просто выполняют их команды, а не автономные субъекты, обладающие индивидуальностью. Механизм формирования авторитарного гражданина действует не только со стороны власти, но также вырабатывается в процессе практического мышления.

По словам Мэйв Кук (Maeve Cooke), существует две взаимосвязанные составляющие авторитарного практического мышления. Во-первых, это авторитарные концепции знания, допускающие к знаниям лишь привилегированные группы людей. Эти концепции утверждают правоту одной единственной позиции, претендующей на истину и валидность. Эта единственно верная позиция охраняется от влияния истории и контекста и гарантирует безоговорочную обоснованность притязаний на истину и правоту. Во-вторых, существуют авторитарные концепции легитимации, которые препятствуют тому, чтобы нормы и положения, претендующие на истину, обсуждались теми же людьми, на которых эти нормы должны распространяться.

С некоторыми, особенно религиозными, людьми или теми, кто разделяет один из двух названных компонентов авторитарного практического мышления, трудно дискутировать в публичной сфере. Поскольку понятие гражданина подразумевает политическую автономию каждого субъекта, М. Кук утверждает, что граждане должны обладать этической автономией. Такая автономия основывается на интуитивном понимании того, что свобода в

своей основе подразумевает возможность формировать свои собственные представления о благе и следовать им. В ходе революции и контрреволюции в арабском мире, а также в дискуссиях о перспективах демократических преобразований мало внимания уделяется практическому мышлению элиты. Акцент в этих обсуждениях делается почти исключительно на парадигме секуляризации. Считается, что светские политические силы обладают иммунитетом против авторитарного практического мышления, а исламские политические движения по определению склонны к нему. Конечно, это упрощенное видение, которое требует более тщательного изучения, поскольку авторитарных граждан можно обнаружить в обеих элитных группах. Это заставляет меня утверждать, что теория секуляризации действительно переживает кризис и не может объяснить трансформацию отношений граждан с религией.

Кризис теории секуляризации. Хотя секуляризация по-прежнему является значимым механизмом демократизации и модернизации общества, этот процесс необходимо проблематизировать в постсекулярной перспективе с тем, чтобы освободить его от некоторых крайних проявлений и патологий. В недавней беседе с Дж. Спикардом, председателем Исследовательского комитета МСА по социологии религии (ИК22), он отметил, что социология исторически придерживалась теории секуляризации. Д. Мартин, М. Васкес и он сам прослеживают зарождение этой теории в интеллектуальной борьбе ранних социологов против реакционной религии во Франции в конце XIX – начале XX в. По мнению П. Бергера, теория секуляризации, утверждающая, что модернизация сопровождается упадком значения религии, эмпирически фальсифицирована и должна быть заменена более нюансированным плюралистическим видением. Социальный эволюционизм, который характеризовал религию как «прошлое», а социологию как «будущее», сделал тезис о секуляризации преобладающим в нашем мышлении. Вследствие этого публичное возрождение религии в 1980-х и 1990-х гг. было немедленно квалифицировано как «фундаментализм» и «реакция против современности». По словам Ульрики Попп-Байер, новую дискуссию сформировали три идеально-типических метанарратива. Первый – нарратив об упадке религиозных аффилиаций, практик и верований ввиду распространения научного мировоззрения. Второй – дискурс трансформации, выдвигающий аргументы в защиту «невидимой религии», «имплицитной религии», «веры без принадлежности», «заместительной религии», «превращения религии в правовой дискурс». В последние годы все заметнее становится особый дискурс «о духовности», подразумевающий метаморфозы социальной формы религии в контексте более общих культурных и социетальных изменений, связанных с индивидуализацией и субъективизацией. Третий метанарратив фокусирует внимание на подъеме религиозного сознания и связывает витальность верований с религиозным плюрализмом и рынком конкурирующих религиозных течений. В случае ислама подъем религиозности связывают с радикализмом и даже с терроризмом.

Для анализа различных интеллектуальных традиций, народных религий и их институциональных носителей, которые ведут к появлению различных форм религии и религиозности в современном обществе, нам необходимо выйти за рамки клише, обозначающих некоторые географические регионы как религиозные или секулярные. В социологической дискуссии необходимо исследовать роль религии в демократических институтах и в публичной сфере. Граждане не в состоянии представить моральные основания своих политических убеждений, отделив их искусственно от своих религиозных представлений (как показывает Д. Ролз). Даже концепция плюрализма мнений, развиваемая Хабермасом, признает значимость религии в публичной сфере. Плюрализм в публичной сфере означает, что религиозные сообщества должны вовлекаться в герменевтическую саморефлексию, чтобы выработать эпистемологическую позицию по отношению к притязаниям других религий и мировоззрений к светскому знанию, в особенности научной экспертизе, и по отношению к приоритету светской аргументации в политической сфере. Однако действительно ли возможно отделить «религиозные» основания действия от «светских»? Такие исследователи, как Даррен Вальхоф [Walhof, 2013], отмечают, что «богословие, политика и идентичность

религиозной общины связаны друг с другом, поскольку религиозные лидеры и граждане применяют и переформулируют свои теологии в новых политических контекстах».

Тем не менее слияние права, религии, политики и общества привело к некоторым проблемным результатам, например, к развитию сектантства. В конфликтных регионах, таких как Ближний Восток, сектантство является одним из главных факторов конфликтности, но вместе с тем оно выступает и механизмом формирования локальной идентичности, создавая, в терминологии Азми Бишара [Azmi Bishara, 2017], «воображаемые секты». В той же логике Израиль недавно принял закон, провозглашающий уникальное право евреев на национальное самоопределение, продолжая при этом политику апартеида в Израиле и на палестинских территориях.

Заключение. Рост «нелиберальных демократий» и посягательство некоторых устойчивых демократий на гражданские права и свободы побуждает МСА к осмыслению страхов и чувств, которые сегодня испытывают многие люди во всем мире. Х. Арендт утверждала, что тоталитаризм порожден сочетанием внешних факторов (империализм, кризис многонациональных империй) и внутренних обстоятельств (антисемитизм и расизм). Рассуждая в том же ключе, я полагаю, что социологи сегодня должны объединить анализ колониализма и авторитаризма. Дискуссия должна формироваться вокруг проблем новой парадигмы изучения религии и плюрализма в эпоху множественных современностей. Это возможно только путем построения более адекватной методологии исследований, позволяющей сочетать анализ микро- и макроизмерений, которые характеризуют глобальную ситуацию сегодня. Таким образом можно будет создать «социологическую теорию за пределами канона» (как предлагает нам заглавие книги под ред. С.Ф. Альатаса и В. Синхи [Alatas, Sinha, 2017]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Alatas S.F., Sinha V. (2017) *Sociological Theory beyond the Canon*. London: Palgrave Macmillan UK Springer.
- Bishara Azmi (2017) *The Army and Political Power in the Arab Context: Theoretical Problems*. 09 April. URL: https://www.dohainstitute.org/en/ResearchAndStudies/Pages/The_Army_and_Political_Power_in_the_Arab_Context_Theoretical_Problems.aspx (accessed 04.06.2019).
- Guénard F. (2016) *La démocratie universelle. Philosophie d'un modèle politique* [Universal Democracy. Philosophy of a Political Model]. Paris: Seuil. (In French.)
- Salvatore A. (2016) *The Sociology of Islam: Knowledge, Power and Civility*. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell.
- Harrison G. (2019) Authoritarian Neoliberalism and Capitalist Transformation in Africa: All Pain, No Gain. *Globalizations*. Vol. 16. No. 3: 274–288.
- Laroche J. (2017) *The Brutalization of the World From the Retreat of States to Decivilization*. New York; London: Springer.
- Mosse G. (1991) *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press.
- Rosenau J. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Walhof D. (2013) Habermas, Same-sex Marriage, and the Problem of Religion in Public Life. *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 39. Iss. 3: 225–242.

GLOBAL SOCIOLOGY – TOWARD NEW DIRECTIONS

HANAFI S.

American University of Beirut, Lebanon

Sari HANAFI, Prof. of Sociol. at the American University of Beirut, President of the International Sociological Association (ISA) (2018–2022), Beirut, Lebanon (sh41@aub.edu.lb).
